

УДК 343.823

DOI 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).2.195-201

ДЕНИС АНДРЕЕВИЧ ДОБРЯКОВ,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминологии,

Российский университет транспорта (МИИТ),

г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНОГО ТРУДА)

Для цитирования

Добряков, Д. А. К вопросу о целесообразности применения отдельных средств исправления при исполнении уголовных наказаний (на примере общественно полезного труда) / Д. А. Добряков // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – Т. 17(1–4), № 2. – С. 195–201. – DOI : 10.33463/2687-122X.2022.17(1-4).2.195-201.

Аннотация. В статье анализируется целесообразность применения установленных законодательством Российской Федерации средств исправления осужденных, реализуемых при исполнении уголовных наказаний. Отмечается, что применение тех или иных средств исправления тогда, когда для исправления осужденных это не требуется, приводит к снижению эффективности уголовно-исполнительной системы вследствие нерационального использования ее ресурсов. Соответствующая проблема рассматривается в контексте целей наказания на примере общественно полезного труда, к которому привлекаются осужденные к лишению свободы на определенный срок. В целях совершенствования исполнения наказаний предлагается обратить внимание на опыт скандинавских стран в части закрепления обязательной занятости осужденных с вариативностью конкретных видов занятия, среди которых выделяется не только общественно полезный труд, но и иные виды деятельности.

Ключевые слова: уголовное наказание, цели наказания, средства исправления, общественно полезный труд осужденных.

В прошлом уголовные наказания применялись с целью возмездия – кары за совершение преступления, призванной не только удовлетворить чувство справедливости, но и утратить всех потенциальных преступников, «дабы им не повадно было» посягать на существующий в конкретном государстве порядок. Однако цели наказания измен-

© Добряков Д. А., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

чивы и обусловлены уровнем развития общественного сознания и представлениями о гуманизме, распространенными в том или ином обществе на определенном историческом этапе [1, с. 249–250]. В силу этого в современном мире уголовное наказание обычно применяется в целях оказания на осужденных воздействия, призванного помочь им разрешать проблемы, которые подтолкнули их к совершению преступления (например, недостаток тех или иных навыков и компетенций, образования, отсутствие достаточного для жизни дохода). В целом это воздействие входит в содержание цели исправления лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Провозглашая эту цель, государство берет на себя ответственность за попытку сделать таких лиц лучше, помочь им приспособиться к законопослушной жизни в обществе [2]. Не является в этом плане исключением и Российская Федерация, где уголовное законодательство закрепляет направленность наказания на восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ), а уголовно-исполнительное законодательство имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений (ч. 1 ст. 1 УИК РФ; задачи по восстановлению социальной справедливости в рамках исполнения наказаний фактически не реализуются, поскольку эта справедливость, как можно предположить, должна восстанавливаться самим фактом привлечения виновного к уголовной ответственности; что касается предупреждения новых преступлений, то эта цель наказания в части воздействия на самого виновного (частная превенция) как бы «перекрывается» исправлением, а в части иных лиц (общая превенция), как и в случае восстановления социальной справедливости, должна достигаться за счет привлечения виновного лица к ответственности, являющегося своеобразной демонстрацией силы закона и реальности установленных им охранительных мер). При этом цель исправления осужденных характеризуется некоторой двойственностью. Уголовно-правовой аспект исправления видится позитивным результатом реализации уголовной ответственности, как таковой, то есть изменением ценностных установок личности, которое может достигаться и без исполнения наказания (в некоторых случаях для этого может быть достаточно «морального потрясения, которое испытывает лицо, представшее перед судом» [3, с. 152–153]). В свою очередь, уголовно-исполнительный аспект исправления осужденных представляет собой формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также стимулирование правопослушного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ), что может рассматриваться в качестве результата исполнения наказания (сформированность соответствующего отношения и пр.) и процесса его исполнения, содержанием которого и является исправительное воздействие, выраженное в применении определенных средств.

К числу таких средств, именуемых средствами исправления, российское уголовно-исполнительное законодательство относит режим (установленный порядок исполнения и отбывания наказания), воспитательную работу, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие (ч. 2 ст. 9 УИК РФ). При этом, как отмечает законодатель, средства исправления применяются с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности конкретного осужденного и его поведения (ч. 3 ст. 9 УИК РФ).

Последнее положение можно интерпретировать одновременно как требование индивидуализации применения средств исправления (недопустимости создания одинаковых условий отбывания наказания для разных категорий осужденных) и возможность их не-

применения тогда, когда это будет сочтено нецелесообразным. Следует подчеркнуть, что первая интерпретация восходит к уголовно-исполнительному принципу дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, а вторая – к принципу рационального применения средств исправления осужденных (ст. 8 УИК РФ).

Однако в силу принципа соединения наказания с исправительным воздействием исполнение всех видов наказаний должно сопровождаться применением к осужденным основных средств исправления [4, с. 197–198], следствием чего является практика неприменения отдельных средств исправления (а закон определяет основными их все) лишь в тех случаях, когда для этого нет объективной возможности (например, невозможно обеспечить получение общего образования осужденным при исполнении наказания в виде штрафа или направить на работу при отсутствии рабочих мест в производственном комплексе), но не тогда когда их применение является нецелесообразным, то есть целесообразность фактически подменяется возможностью. Представляется, что в этом состоит одна из существенных проблем исполнения уголовных наказаний и современного российского уголовно-исполнительного законодательства в целом, которая приводит к снижению эффективности уголовно-исполнительной системы в части организации исправления осужденных и использования имеющихся для этого ресурсов. Указанные обстоятельства можно подробнее рассмотреть на примере общественно полезного труда, к которому привлекаются осужденные к лишению свободы.

Действующее уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации не содержит критериев «общественной полезности» труда, однако следует отметить, что всякий правомерный труд человека можно считать полезным для общества, поскольку он лежит в основе его (не только человека, но и всего общества) жизнедеятельности. Любой труд осужденных (а это одновременно оплачиваемая работа в производственном комплексе уголовно-исполнительной системы и бесплатные хозяйственные работы по обслуживанию и облагораживанию территории исправительного учреждения), являющийся достаточным для заполнения нормального рабочего дня и осуществляемый осужденными под контролем администрации исправительного учреждения в рамках отбывания наказания, следует также считать общественно полезным [5, с. 77].

В соответствии с ч. 1 ст. 103 УИК РФ осужденные обязаны работать в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений, которая должна привлекать их к труду с учетом пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности (причем такая возможность обуславливается прежде всего наличием работы по соответствующей специальности в производственном комплексе конкретного исправительного учреждения), а также исходя из наличия рабочих мест.

От обязанности трудиться освобождены осужденные, достигшие пенсионного возраста или являющиеся инвалидами первой либо второй группы (ч. 2 ст. 103 УИК РФ). Такие лица имеют право работать по желанию, которое реализуется при наличии возможности для их трудоустройства в конкретном исправительном учреждении, то есть наличия свободных рабочих мест и подходящих условий труда. Все остальные осужденные имеют обязанность работать, основанную на особенностях их трудового положения (обусловленных нормами международного права и российского уголовно-исполнительного законодательства, закрепляющими допустимость привлечения осужденных к обязательному для них труду), а не на конституционном праве человека на свободный труд (ст. 37 Конституции Российской Федерации; однако противоречия между назван-

ными обязанностью и правом нет, тем более что труд осужденных регулируется также нормами трудового права [6, с. 83]).

Труд является социальной потребностью человека, одним из основных видов его деятельности, что вполне относимо и к осужденным. В то же время в обществе распространён стереотип о карательном содержании работы, к которой привлекаются осужденные, подразумевается, что, наказание будет тем «эффективнее» (то есть тем быстрее лицо осознает свою вину), чем строже окажутся условия его исполнения, а следовательно, тяжелее обязательный труд [7, с. 346]. Однако современное российское законодательство в целом не позволяет рассматривать труд осужденных в качестве фактора усиления уголовной репрессии (обязательность и прочие особенности труда осужденных, отличающие его от «свободной» трудовой деятельности, обусловлены режимом отбывания наказаний, а не стремлением государства повысить строгость наказания [8, с. 95]), формально они привлекаются к работе прежде всего в целях исправления. Это подчеркивается и в ч. 5 ст. 103 УИК РФ, в соответствии с которой производственная деятельность осужденных не должна препятствовать выполнению основной задачи исправительных учреждений – исправлению осужденных.

При назначении осужденному обязательной работы администрация исправительного учреждения исходит из двух основных факторов – отсутствия противопоказаний в виде инвалидности и прочих факторов, а также наличия в распоряжении администрации рабочих мест в производственном комплексе исправительного учреждения. Ситуация несколько осложняется тем, что российская уголовно-исполнительная система сталкивается с существенной нехваткой рабочих мест для осужденных. По данным, которые приводит Правительство Российской Федерации в Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р), работой обеспечено только 40 % осужденных (разд. XIII), отбывающих лишение свободы и не имеющих оснований для освобождения от трудовой повинности, вследствие чего большинство осужденных фактически не имеют возможности исполнить соответствующую обязанность даже при условии наличия у них на то желания.

Каким образом администрация исправительного учреждения может выбрать, кто из числа обязанных трудиться осужденных должен привлекаться к работе в условиях такого вынужденного конкурса? При разрешении этого вопроса следует, пожалуй, обращать внимание на целесообразность «трудотерапии» для того или иного осужденного – приоритет должны иметь лица, демонстрирующие недостаток в навыках законной трудовой деятельности, то есть нуждающиеся в получении опыта и формировании привычки работать для последующей успешной адаптации к жизни в обществе. Но ведь вместо этого проще и быстрее привлекать к работе уже способных к труду осужденных, имеющих необходимые компетенции и не требующих профессиональной подготовки. В таком случае осужденные превращаются в достаточно ценный трудовой ресурс, обеспечивающий выход уголовно-исполнительной системы на самоокупаемость или хотя бы возможность обращения взыскания по исполнительным документам на заработную плату осужденных (последнее является одной из задач, закрепленных в абз. 6 упомянутой Концепции). Вот только нужно ли привлекать таких осужденных к труду в первую очередь (а то и вообще) и не лучше ли в их случае отдать предпочтение другим средствам исправления, освободив рабочие места для тех, кому работа и соответствующий опыт действительно могут помочь в будущем?

Уместно отметить, что оплачиваемая работа, к которой привлекаются осужденные, является не только формой организации их досуга и средством воспитательно-социализирующего воздействия на них, но и важным фактором обеспечения их материального благополучия (хотя бы минимального) во время отбывания наказания и сразу после освобождения. Последнее обстоятельство мотивирует осужденных к труду (получение материальной выгоды для них оказывается значительно более важным, чем социальная ценность труда как сферы самореализации, то есть осужденные более склонны трудиться ради денег, а не ради идеи [9, с. 56–57]) и содействует их успешному возвращению в социум. В связи с этим труд осужденных (точнее, оплачиваемая работа) может рассматриваться также в качестве их права, то есть существенным элементом их правового статуса является обязанность государства обеспечить их работой.

Интересным представляется опыт скандинавских стран (Швеции, Дании и Норвегии) в части регламентации занятости осужденных. Законодатели этих государств сосредоточились не на работе (возмездной или безвозмездной), а на занятии, как таковом, которое может состоять в любой приемлемой деятельности, включая, например, получение образования и творчество. Важно, что критерий приемлемости выражается в получении осужденным одобрения выбранной им формы занятости со стороны компетентных органов государственной власти после ее соотнесения с задачами исполнения наказания.

В Швеции осужденным предоставляется возможность выбора вида занятия, которым может быть работа, обучение, лечение от зависимостей и другие формы досуга, утвержденные администрацией исправительного учреждения. При этом назначенный осужденному на основании его выбора вид деятельности становится для него обязательным (а значит, уклонение от его осуществления будет иметь для осужденного негативные последствия; разд. 1–2 гл. 3 Закона от 10 июня 2010 г. № 610 «О тюрьмах»)¹.

Датское уголовно-исполнительное законодательство (в частности, ст. 38 Закона от 9 декабря 2019 г. № 1333 «Об исполнении наказаний») определяет, что осужденные имеют «право и обязанность» быть занятыми посредством участия в работе, обучении и осуществлении «других разрешенных занятий»², то есть также имеют право выбрать некое занятие (право) и сделать его для себя обязательным (обязанность). У осужденных в Дании, как и в Швеции, нет обязанности трудиться, получать образование или осуществлять иные виды деятельности одновременно и в обязательном порядке – соответствующие «средства исправления» применяются к ним согласно их собственному выбору (как по виду, так и по сочетанию видов – альтернативно или в комбинации), становясь обязательными не по исключительному усмотрению администрации исправительного учреждения, а в результате своеобразного диалога между администрацией и конкретным осужденным. Такой подход может, как представляется, повысить заинтересованность лиц, отбывающих лишение свободы, в собственном исправлении.

Несколько иначе соответствующие вопросы урегулированы норвежским законодательством. В соответствии со ст. 18 Закона от 15 мая 2001 г. № 21 «Об исполнении наказаний» осужденным предоставляется возможность работать, получать

¹ Fängelselag (2010:610) // Dokument & lagar, Sveriges Riksdag. URL : https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/fangelselag-2010610_sfs-2010-610 (дата обращения: 31.05.2022).

² Straffuldbyrdsloven, LBK nr 1333 af 09/12/2019 // Retsinformation URL : <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2019/1333> (дата обращения: 31.05.2022).

образование или принимать участие в различных программах по их усмотрению, причем служба исполнения наказаний отдает предпочтение не принуждению осужденных к определенной форме занятости, а стимулированию их интереса и добровольности выбора. Однако, если осужденный отказывается принимать участие в работе, обучающих или иных программах (отказывается от выбора), он может быть направлен на работу принудительно, хотя это именно может, а не должно произойти – решение данного вопроса оставлено на усмотрение администрации исправительного учреждения¹.

Следует также отметить, что осужденным в названных скандинавских странах выплачивается денежное довольствие (пособие), причем происходит это вне зависимости от того, работают они или заняты иным видом одобренной администрацией исправительного учреждения деятельностью. Подобный подход позволяет, как можно предположить, снизить «материальное» значение труда в системе средств исправления, поскольку жизнедеятельность осужденных во время заключения и после освобождения оказывается обеспечена определенными накоплениями в любом случае, даже если они не избрали для себя труд в качестве формы занятости во время отбывания наказания – главным условием этого становится соблюдение требований режима и отсутствие дисциплинарных нарушений.

Модель, при которой всем осужденным гарантируется хотя бы даже минимальное пособие, в условиях российской действительности едва ли применима, поскольку ее внедрение потребовало бы значительного увеличения государственных расходов, что в ситуации перманентного экономического кризиса труднореализуемо. Однако вариативность применения средств исправления в зависимости от целесообразности и желания осужденных представляется вполне удачным решением, которое могло бы быть учтено при совершенствовании российского уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, если осужденный не имеет развитых навыков трудовой деятельности или его квалификация является недостаточной для последующего трудоустройства в условиях свободной конкуренции, привлечение к работе во время исполнения наказания потенциально может восполнить эти пробелы, а следовательно, является целесообразным. Если осужденный не нуждается в развитии навыков труда и социального взаимодействия (это касается, например, лиц, совершивших преступление впервые и (или) по неосторожности, но не по причине отсутствия трудовых навыков или неспособности обеспечить свои социальные потребности законным трудом) или получении заработной платы за труд во время отбывания наказания, то для исправления такого осужденного необходимости привлекать его к обязательному труду, как представляется, нет. Следовательно, в отдельных случаях труд может быть безболезненно для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства заменен иными формами занятости осужденных.

Библиографический список

1. Дворянсков И. В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. № 2(15). С. 247–259.

¹ Act of 18.05.2001 No. 21 relating to the execution of sentences etc. (The Execution of Sentences Act) // The Lovdata Foundation. URL : <https://lovdata.no/dokument/NLE/lov/2001-05-18-21> (дата обращения: 31.05.2022).

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В. В. Малиновский ; науч. ред. А. И. Чучаев. М. : Контракт, 2011. URL : <https://internet.garant.ru/#/document/58104178/paragraph/929> (дата обращения: 31.05.2022).

3. Бытко С. Ю., Варыгин А. Н. Некоторые методологические вопросы оценки эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 1. С. 146–177.

4. Селиверстов В. И. Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере исполнения лишения свободы: новации 2015 года // Lex Russica. 2016. № 9. С. 188–204.

5. Раськевич А. А. Общественно полезный труд как средство исправления осужденных: пенитенциарные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2. С. 77–84.

6. Уткин В. А. Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2015. № 2(6). С. 81–88.

7. Тюфяков Н. А. Роль труда как средства исправления по отечественному и зарубежному пенитенциарному законодательству: проблемы и пути решения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 3(82). С. 345–351.

8. Стручков Н. А., Наташев А. Е. Основы теории исправительно-трудового права. М. : Юрид. лит., 1967. 190 с.

9. Шамсунов С. Х., Павлова Е. В. Некоторые вопросы привлечения к труду осужденных к лишению свободы в современных условиях развития уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2(43). С. 55–58.